

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Исторический факультет

На правах рукописи

КОРОВЧИНСКИЙ

Иван Николаевич

КУЛЬТЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ БАКТРИИ

(на материалах «храма с уступчатыми нишами» в Ай-Ханум
и храма Окса в Тахти-Сангине)

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (древний мир)

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва

2007

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Научный руководитель:

кандидат исторических наук, доцент
С. В. Новиков

Официальные оппоненты:

член-корреспондент Российской Академии наук,
доктор исторических наук,
профессор **Г. А. Кошеленко**

кандидат исторических наук
Н. М. Смирнова

Ведущая организация:

кафедра истории древнего мира и средних веков
Московского педагогического
государственного университета

Защита состоится 15 мая 2007 г. в 16 ч. на заседании диссертационного совета К.501.001.16 по всеобщей истории в МГУ им. М. В. Ломоносова по адресу: 119899 Москва, Воробьевы горы, МГУ, 1-й учебный корпус, исторический факультет, ауд.551.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. А. М. Горького МГУ (1-й учебный корпус).

Автореферат разослан « ___ » _____ 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук

Т. В. Никитина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предмет и цель исследования

Целью настоящего исследования является реконструкция культов, отправлявшихся в период эллинизма в двух храмовых комплексах, расположенных на территории древней Бактрии: т. н. «храме с уступчатыми нишами» в Ай-Ханум и храме Окса в Тахти-Сангине. Список бактрийских эллинистических храмов не исчерпывается двумя названными, однако комплекс т. н. «храма за стенами города» в Ай-Ханум до сих пор полноценно не опубликован, а эллинистическая датировка т. н. «храма Диоскуров» в Дильберджине вызывает споры.

Под реконструкцией культов мы понимаем в первую очередь реконструкцию пантеона божеств и в меньшей степени (из-за ограниченности источниковой базы) совершавшихся в них ритуалов.

Актуальность исследования

История эллинистической Бактрии является одной из наиболее слабо разработанных областей антиковедения. В особенности это относится к ее религиозному аспекту. В течение длительного времени религиозная жизнь эллинистической Бактрии изучалась почти исключительно на основе нумизматических источников. Раскопки бактрийских эллинистических храмов существенно расширили источниковую базу, однако предпринимавшиеся до сих пор попытки анализа результатов этих раскопок вылились в публикации, затрагивающие лишь небольшую часть материалов¹. Все это делает необходимым более детальное исследование данной проблемы, основанное на максимально полном использовании имеющихся данных.

Хронологические рамки исследования

Нижней хронологической границей исследования является время основания интересующих нас храмов (начало III в. до н. э.), верхней – падение Греко-Бактрийского царства (145-130 гг. до н. э.). Поскольку нас интересуют культы эллинистического периода, находки, датируемые более поздним временем, рассматриваться не будут.

Научная новизна исследования

В данном исследовании предлагается новая трактовка культов «храма с уступчатыми нишами» и храма Окса. Они рассматриваются в рамках более широкой концепции почитания на эллинистическом Востоке синкретической богини Атаргатис-Нанайи, которая могла отождествляться также с греческими Артемидой, Кибелой и Деметрой.

¹ *Bernard P.* L'architecture religieuse de l'Asie Centrale à l'époque hellénistique // Akten des XIII Internationalen Kongresses für klassische Archäologie (Berlin, 1988). Mainz am Rhein, 1990 (собственно эллинистическим храмам в этом докладе посвящено в общей сложности 5 страниц); *Рапен К.* Святилища Средней Азии в эпоху эллинизма (состояние вопроса). // ВДИ, 1994, № 4 (публикация затрагивает почти исключительно вопросы архитектуры).

Методы исследования

Поскольку наше исследование основано преимущественно на данных археологических источников, наибольшее значение имел сравнительный метод. Данные археологии сопоставлялись также с данными письменных и нумизматических источников. При обработке массового материала был использован статистический метод. Простота материала позволила ограничиться элементарной статистической обработкой, без сложных вычислений и программ.

Теоретико-методологическая значимость исследования

Исследования в области истории античной религии и культуры чаще всего базируются на большом числе письменных источников, поэтому ситуация эллинистической Бактрии, религиозная история которой нашла отражение в крайне малом числе письменных и сравнительно большем числе археологических и нумизматических источников, является нетипичной. Данное исследование представляет собой попытку реконструкции фрагмента религиозной истории античного государства, основанную на такой необычной базе. В этом отношении его можно рассматривать как апробацию методов, которые в дальнейшем могут быть использованы при изучении регионов античного мира со столь же слабо отраженной в письменных источниках историей (например, эллинистических Согдианы и Западного Ирана или античного Кавказа).

Практическая значимость исследования

Результаты исследования могут быть использованы в ходе дальнейшей научной работы, связанной с историей религии и культуры античности, Ближнего и Среднего Востока. В случае подтверждения его выводов, предлагаемых пока в качестве гипотезы, они могут быть использованы также при преподавании исторических и религиоведческих дисциплин и написании соответствующих учебных пособий.

На защиту выносятся следующие положения:

1. «Храм с уступчатыми нишами» в Ай-Ханум был посвящен двум восточным божествам – мужскому и женскому, а также их низшим спутникам.
2. Женским божеством была богиня, известная по более поздним среднеазиатским источникам как Нана. Ее культ был синкретическим, в образе Наны соединились вместе черты Атаргатис, Нанайи, Кибелы и Деметры.
3. Синкретический культ Атаргатис-Нанайи был распространен в период эллинизма и позднее на значительной части территории державы Селевкидов, от Сирии до Бактрии. Он являлся вариантом общеэллинистического культа Ἁγαθή Τύχη.

4. В качестве паредра Наны в «храме с уступчатыми нишами» выступал супруг сирийской Атаргатис – Хаддад, отождествленный с греческим Зевсом.
5. Вероятно наличие в «храме с уступчатыми нишами» культа богов-близнецов – спутников Наны и Зевса-Хаддада, а также мифического сына этой верховной пары божеств, отождествленного с греческим Гераклом.
6. Храм Окса в Тахти-Сангине посвящен двум божествам – Нане и Вахшу (Оксу), богу реки Амударьи. По этой причине в его ритуалах тесно переплелись черты сирийских и иранских культов.
7. Основными объектами почитания в храме Окса, вероятно, были статуи Наны и Вахшу. В данном святилище отправлялся также культ священного огня, горевшего на алтарях и очагах и посвященного двум названным божествам.

Структура работы

Диссертация содержит введение, три основных раздела и заключение. Каждый раздел состоит из нескольких глав, в свою очередь, подразделяющихся на параграфы. Разделы пронумерованы римскими, главы и параграфы – арабскими цифрами.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обозначены предмет, цель и хронологические рамки исследования, обоснованы его актуальность и научная новизна, охарактеризована методика исследования, его теоретико-методологическая и практическая значимость.

Раздел I. Обзор источников.

В главе I.1 «**Археологические источники**» дана характеристика древних поселений, на территории которых располагались исследуемые храмы. § I. 1. 1 посвящен городищу **Ай-Ханум**, расположенному близ современной северной границы Исламской Республики Афганистан, на месте впадения р. Кокчи в р. Пяндж. Город назван по близлежащей современной деревне, его древнее название неизвестно.

Полагают, что город был основан Селевком I или Антиохом I в рамках укрепления восточных рубежей их державы. Судя по данным ономастики, среди его жителей (в т. ч. представителей элиты) имелись как выходцы с Балкан, так и коренные бактрийцы. Среди городских сооружений также можно выделить как типично греческие (гимнасий, театр, мавзолеи в антах), так и восточные (дворец, чья планировка напоминает дворцы Ахеменидов, жилые дома с восточной планировкой). Это означает, что культура города была смешанной, включавшей в себя греческие и восточные элементы.

Принято считать, что город прекратил свое существование в 145 г. до н. э. в результате вторжения кочевников-юэчжей.

В 1965 г. раскопки на городище начала экспедиция Французской археологической миссии в Афганистане под руководством П. Бернара. В 1978 г. они были прерваны из-за начавшейся гражданской войны в Афганистане.

§ I.1.2 посвящен городищу **Тахти-Сангин**, расположенному близ современной южной границы Республики Таджикистан, на месте слияния двух рек - Вахша и Пянджа, дающих начало Амударье. Его планомерное изучение началось в 1976 г. усилиями Кобадиянского отряда Южно-Таджикистанской археологической экспедиции (начальник экспедиции – Б. А. Литвинский, руководитель отряда – И. Р. Пичикян). К 1991 гг. был раскопан городской храм и прилегающий к нему теменос. Гражданская война в Таджикистане прервала эти работы, они были возобновлены в 1998 г. Институтом истории и археологии Академии наук Таджикистана (руководитель экспедиции – А. Дружинина).

Глава I.2. «Письменные источники» посвящена источникам, непосредственно связанным с интересующими нас культовыми сооружениями. Они крайне малочисленны, все найдены при раскопках храмов. В «храме с уступчатыми нишами» обнаружены две хозяйственные надписи (одна на арамейском языке, другая на греческом) и несколько граффити с именами. Прямые сведения о культах в них отсутствуют, но из них можно извлечь важную скрытую информацию (см. главу III.2).

В храме Окса найдены две надписи, обе на греческом. Одна из них, выбитая на постаменте статуэтки божества, похожего на фригийского Марсия, гласит в переводе: «По обету посвятил Атросок Оксу». Другая, вырезанная на массивной чаше, стоявшей в пропилеях храма, гласит: Υ ΟΞΟΙ. Мы интерпретировали ее как Υ<ΔΩΡ> ΟΞΟΙ («В<ода> Оксу»). Чаша, вероятнее всего, была периррантерием. Обе надписи свидетельствуют о почитании в этом храме бога одноименной реки (совр. Амударьи).

Раздел II содержит **обзор историографии**. Поскольку исследуемые памятники были открыты сравнительно недавно, их историография невелика по объему. В ней доминируют точки зрения, впервые высказанные руководителями раскопок. П. Бернар, подробно описавший «храм с уступчатыми нишами» в предварительных отчетах Ай-Ханумской экспедиции за 1968-1975 гг.², указал на то, что в храме найдены как остатки монументальной статуи Зевса, так и следы хтонических либаций чисто местного типа. На этом основании он сделал вывод о том, что храм был посвящен Зевсу, отождествленному с местным божеством. Позднее он уточнил, что местным божеством мог быть Митра в силу наличия у него хтонических черт³. Ф. Грене привел дополнительный аргумент в пользу данной версии - изображение Зевса-Митры на монетах Гелиокла I. Последний, по его мнению, был сыном Евкратиды I, одной из резиденций которого был Ай-Ханум. Отсюда следует вывод о предполагаемой связи между этими монетами и статуей Зевса в «храме с уступчатыми нишами»⁴. П. Бернар обратил также внимание на близкое сходство «храма с уступчатыми нишами» и некоторых храмов Дура-

² См. выпуски “Comptes rendus des séances de l’Académie des Inscriptions et Belles-Lettres” за соответствующие годы.

³ Bernard P. L’architecture religieuse... P. 52.

⁴ Grenet F. Mithra au temple principal d’Aï Khanoum? // Histoire et cultes de l’Asie Centrale préislamique. Paris, 1991. P. 149.

Европос, но позднее счел его случайным в силу более поздней датировки ближневосточных аналогов⁵.

Альтернативная точка зрения была высказана Г. А. Пугаченковой и К. Рапеном, согласно которым храм мог быть посвящен Кибеле, поскольку в нем был найден диск с изображением этой богини⁶. П. Бернар счел этот диск, имеющий близкие аналоги в Сирии, предметом импорта, не связанным с кукльтами храма⁷.

Следует особо упомянуть о единственном томе многотомного издания «Раскопки Ай-Ханум», посвященном «храму с уступчатыми нишами»⁸. Он написан А.-П. Франфором и посвящен найденным в храме «малым объектам», под которыми методом исключения понимается все то, что не относится к архитектуре, скульптуре, монетам и керамике. Соответствующие материалы освещены в нем намного более подробно, чем в предварительных отчетах. А.-П. Франфор полемизирует с версией, согласно которой храм был посвящен Атаргатис или Кибеле, а также паредру одной из этих богинь – соответственно, Хаддаду или Аттису. Это выглядит несколько странно, поскольку такая версия никем до него не выдвигалась. В тексте этого тома А.-П. Франфор неоднократно указывает на памятники, связанные с кукльтами перечисленных божеств, как на аналоги находок, сделанных в «храме с уступчатыми нишами». Однако, в конечном счете, он приходит к выводу о недостаточности доказательств, которые можно привести в пользу данной точки зрения, и на этом негативном основании соглашается с П. Бернаром в том, что храм был связан с чисто местной, бактрийской религией⁹.

Подавляющее большинство работ, посвященных храму Окса, написано его первооткрывателями, Б. А. Литвинским и И. Р. Пичикьяном¹⁰. Они полагают, что данный храм был зороастрийским храмом огня, посвященным богу Амударьи Вахшу (Оксу), а также, возможно, еще одному неизвестному божеству. Несомненный интерес представляет отчет А. Дружининой о раскопках пространства перед храмовыми пропилеями, в котором сделан важный вывод о том, что между кукльтами храма Окса эллинистического

⁵ *Bernard P.* Les traditions orientales dans l'architecture gréco-bactrienne. // Le plateau Iranien et l'Asie Centrale dès origines à la conquête islamique. Paris, 1977. P. 265; *Idem.* L'architecture religieuse... P. 52.

⁶ *Пугаченкова Г. А.* О кукльтах Бактрии в свете археологии. // ВДИ, 1974, №3. С. 125; *Рапен К.* Указ. соч. С. 137.

⁷ *Bernard P.* Campagne de fouilles 1969 à Ai Khanoum en Afghanistan. // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 1970, avril-juin. P. 339-347.

⁸ *Francfort H.-P.* Le sanctuaire du temple à niches indentées. 2. Les trouvailles. // Fouilles d'Ai Khanoum. T. III. Paris, 1984.

⁹ *Ibid.* P. 124-125.

¹⁰ Важнейшие из них: *Пичикьян И. Р.* Культура Бактрии: Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991; *Литвинский Б. А., Пичикьян И. Р.* Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. М., 2000; *Литвинский Б. А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001.

периода, с одной стороны, и юэчжийского и кушанского периодов, с другой, могли иметься весьма существенные различия¹¹.

Раздел III посвящен «храму с уступчатыми нишами» и открывается **главой I.1 «Архитектура»**. В древнейший период своей истории, обозначенный П. Бернардом как «этап 5» и датируемый концом IV – началом III в. до н. э., данный храм имел квадратную планировку и был разделен внутри на два прямоугольных помещения, одно из которых имело выход во внешнее пространство.

На этапе 4 (1-я пол. III в. до н. э.) старое здание было снесено. Новый храм напоминал предыдущий, но прежнюю форму сохранило лишь ближайшее к входу помещение (пронаос). На месте удаленного от входа помещения образовались три новых – целла и две узкие сокровищницы по бокам от нее. Внешние стены украсили ниши с ложными лестницами, от которых храм получил свое условное название.

Для данного периода можно уверенно утверждать, что храм стоял на территории двора, окруженного стенами, к которым примыкал ряд вспомогательных помещений. Во дворе имелось еще одно небольшое святилище (капелла), напоминающее греческий храм в антах. Близ задней стены главного храма найдены сосуды местного среднеазиатского типа, перевернутые вверх дном и врытые в землю, которые, вероятно, были связаны с либациями хтоническим божествам.

Дальнейшие изменения в храме были незначительными, если не считать появления в целле статуй (выявлены углубления в кладке для двух постаментов, один из которых, монументальный, расположен в глубине целлы приблизительно по ее центру, другой, меньшего размера – также в глубине, с левого края. По нашему мнению, симметрия требует присутствия третьего постаментов с правого края, но там кладка не сохранилась). Постаменты для статуй обнаружены также в пронаосе, близ входа в целлу.

Единственной греческой деталью в архитектуре храма являются ионические капители колонн. Поэтому прототипы данного храма не приходится искать в Греции, но их нет и среди более ранних храмов Ирана. П. Бернар отметил значительное сходство нашего храма с тремя храмами Дура-Европос - Атаргатис, Адониса и Аполлона и Артемиды (I в. до н. э. – II в. н. э.). Они также имеют подквадратную планировку, делятся на широкий пронаос и расположенную позади него целлу, фланкированную боковыми помещениями. К стенам дворов, на территории которых расположены эти храмы, примыкают вспомогательные сооружения. В качестве аналогов П. Бернар приводит также ряд нововавилонских и эллинистических храмов, возведенных в других частях Месопотамии, однако эти святилища с внутренними дворами и очень сложной планировкой обладают значительно меньшим сходством с «храмом с уступчатыми нишами». Исключение составляет лишь нововавилонский храм А в Ашшуре, похожий по планировке на «храм с уступчатыми нишами» этапа 5.

¹¹ *Drujinina A.* Die Ausgrabungen in Taxt-i Sangīn im Oxos-Tempelbereich (Süd-Tadžikistan). Vorbericht der Kampagnen 1998-1999. // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 33, 2001. S. 278-281.

Более плодотворной представляется идея И. Р. Пичикяна, полагавшего, что прототипы «храма с уступчатыми нишами» следует искать в Сирии¹². Так, интерьеры храма слоя 6 в Бет-Шеане (северная Палестина, конец II тыс. до н. э.), храма-дворца «хилани II» в Самале (северная Сирия, начало I тыс. до н. э.) и храмов в Мицпе (Иудея, тот же период) состояли из примыкавшего к входу прямоугольного помещения, позади которого имелось другое помещение, в свою очередь фланкированное двумя, более мелкими. И. Р. Пичикян обращает внимание на то, что планировка храма слоя 4 в Алалахе (1450-1370 гг. до н. э.) в целом была аналогичной таковой храма А в Ашшуре и «храма с уступчатыми нишами» 5-го периода.

Преобладание столь ранних аналогий объясняется крайне слабой изученностью храмовой архитектуры Сирии и Палестины VII-II вв. до н. э. К эллинистическому периоду относится храм в Лахише (южная Палестина), отличавшийся от храма в Ай-Ханум лишь наличием дополнительного вытянутого помещения, соединявшегося с одним из помещений, фланкирующих целлу. Храмы Дура-Европос показывают, что в античности традиция, восходящая к храму в Бет-Шеане, могла не только модифицироваться тем способом, пример которого мы видим в Лахише, но и сохраняться в чистом виде. (Наличие у Дура-Европос обширных культурных связей с Сирией хорошо известно).

Приведенные примеры показывают, что архитектура «храма с уступчатыми нишами» восходит к сиро-палестинским прототипам.

Глава III.2 «Восточный или греческий храм?» посвящена вопросу о том, был ли «храм с уступчатыми нишами» связан с культурой греческого или восточного населения Ай-Ханум. Одна из хозяйственных надписей храма составлена на арамейском языке, другая содержит грубую ошибку в греческом правописании. Из шести личных имен, содержащихся в эпитафике храма, пять являются иранскими и лишь одно – греческим. О преобладании восточных черт в архитектуре храма мы уже писали. Среди произведений изобразительного искусства, найденных в храме, 64 выполнены в стиле, отличном от античного, и лишь 24 – в античном. Все это говорит о том, что храм в большей мере обслуживался и посещался бактрийцами, нежели греко-македонцами, и был связан преимущественно с восточной культурой.

Глава III.3 «Находки. Женские изображения» открывается кратким статистическим очерком (§ III.3.1 «Общий обзор изображений»), из которого следует, что в храме было найдено 14 женских и 11 мужских изображений. Это делает вероятным почитание в нем женского божества, как минимум, наравне с мужским. § III.3.2 «Храмовый штандарт» посвящен наиболее яркой из сделанных в храме находок: серебряному диску. На нем представлена богиня в полове, хитоне и гиматии, прижавшая правую руку к груди и левую к бедру, едущая в колеснице, запряженной двумя львами. Колесницей правит крылатая Ника. Позади колесницы идет персонаж, одетый как сирийский жрец. Колесница движется по скальной поверхности к алтарю, на котором другой

¹² Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Указ. соч. С. 296-299.

сирийский жрец возжигает курильницу. В верхнем регистре изображены солнце (в виде головы греческого Гелиоса), полумесяц и звезда.

Атрибуты богини (включая львов) соответствуют как анатолийско-греческой Кибеле, так и верховной богине античной Сирии - Атаргатис. Образы обеих восходят к образу более древней сирийской богини Кубабы, отсюда сходство. А.-П. Франфор предпочитает видеть в богине Кибелу, скальная поверхность вызывает у него ассоциацию с эпитетом Кибелы «Горная Мать». Кроме того, Атаргатис никогда не изображалась едущей на колеснице. Однако одежда жрецов и сцена жертвоприношения на алтаре имеют наиболее близкие соответствия в сирийском искусстве, композиция «персонаж в колеснице, управляемой возницей и сопровождаемой еще одним персонажем, идущим сзади» характерна для сирийских и финикийских монет. Сочетание «солнце – луна – звезда» имеет ближневосточное происхождение. Даже стиль изображения на диске близок к стилю искусства античной Сирии. Эти и другие факты, отмеченные уже А.-П. Франфором, позволяют, на наш взгляд, считать изображенную богиню синкретической Атаргатис-Кибелой.

В древней Сирии металлические диски с изображениями богов крепились на храмовые штандарты, почитавшиеся наравне со статуями. Диск из Ай-Ханум, вероятно, также крепился на штандарт. Независимо от того, был ли он предметом импорта, едва ли он не имел отношения к культу храма. Очевидно, что детали штандартов могли импортировать лишь в те храмы, где почитались такие штандарты.

Наличие в храме штандарта сирийского типа подтверждается другой находкой - бронзовым полумесяцем, на котором выгравировано лицо богини. Такими полумесяцами увенчивались вершины сирийских штандартов. А.-П. Франфор обращает внимание на то, что штандарт, увенчанный полумесяцем, представлен в составе мифологической сцены, выгравированной на вазе из северо-западного Ирана, датирующейся II тыс. до н. э., и полагает, что такого рода штандарты были распространены также и в Иране. Однако этот единичный пример хронологически слишком удален от Ай-Ханум и не доказывает существование преемственной традиции, равно как и связь этого штандарта с реальной культовой практикой. Сирийские штандарты, известные от II тыс. до н. э. до римского периода включительно, представляются хронологически более близкими.

В § III.3.3 «Фигурки богинь» проанализированы мелкие женские изображения, найденные в храме, и показано, что большинство из них демонстрирует ту или иную степень сходства с изображением Атаргатис-Кибелы на диске. У женских фигурок из слоновой кости и терракоты правая рука прижата к груди, а левая, в большинстве случаев, к бедру. Головным убором им служит полос или покрывало (еще один встречающийся в сирийской иконографии вариант убора Атаргатис). Мелкие фигурки из слоновой кости очень примитивны и не имеют какой-либо одежды, но терракотовые «одеты» в хитон и гиматий. Согласно Г. А. Кошеленко и С. В. Новикову, наиболее

распространенный в Ай-Ханум тип терракот представляет богиню в покрывале и хитоне, с правой рукой у груди или плеча и левой на бедре¹³.

Найденная в храме матрица для отливки бюста богини, выполненная в греческом стиле, напоминает одновременно верхние части найденных в Ай-Ханум терракотовых фигурок и статую Деметры Книдской. (Кибела и Атаргатис могли отождествляться с Деметрой). Изображения богинь на ручках найденного в храме бронзового сосуда также напоминают Кибелу или Атаргатис. Все это свидетельствует о широком почитании Атаргатис-Кибелы в Ай-Ханум, в частности, в «храме с уступчатыми нишами».

В § III.3.4 «Зооморфные изображения» констатируется тот факт, что изображения льва – животного Атаргатис и Кибелы - встречаются в «храме с уступчатыми нишами» значительно чаще других зооморфных образов.

В § III.3.5 «Соотношение женского и мужского культов» приводятся доказательства того, что Атаргатис-Кибелу можно считать одним из основных божеств «храма с уступчатыми нишами», несмотря на то, что центральная статуя, найденная в целле, изображала мужское божество. Самый крупный постамент в пронаосе превышает по площади центральный постамент в целле, из чего следует, что он был увенчан не менее крупной статуей. Роспись позади нее, на стене над постаментом, изображала шествие львов, поэтому возможно, что речь идет о статуе Атаргатис-Кибелы. Нельзя исключить и того, что одна из малых статуй в целле могла представлять собой изображение этой богини.

Следы хтонических либаций также не противоречат почитанию в храме Атаргатис-Кибелы, поскольку обе эти богини были хтоническими. Пример переноса черт элевсинской обрядности в афинский культ Исиды показывает, что инкультурация чужеземных культов в эллинистических странах могла сопровождаться заимствованием местной обрядности, связанной с почитанием божеств, аналогичных заимствованным.

Глава III.4 «Мужские культы» начинается с § III.4.1 «Хаддад», в котором доказывалось, что центральная статуя в целле изображала Зевса, отождествленного с Хаддадом – верховным мужским божеством пантеона античной Сирии, паредром Атаргатис. До сих пор исследователи обращали внимание лишь на то, что, судя по сохранившимся частям, статуя восседала на троне, держа в руке жезл, как греческий Зевс, и на ее сандалии была вырезана молния – символ Зевса. Отсюда делался вывод, что речь должна идти о статуе Зевса. Но восточная богиня едва ли могла почитаться в одном храме с чисто греческим богом. На сандалии, кроме молнии, были вырезаны также пальметка и две розетки. Сочетание символов «молния – розетка – пальметка» характерно для римского культа Юпитера Долихена (романизированный вариант культа Хаддада или очень близкого к нему коммагенского божества). Примечательно, что повторяется именно символ розетки, особенно тесно связанный с Юпитером Долихеном. Греческий стиль статуи указывает на отождествление Хаддада с Зевсом.

¹³ Кошеленко Г. А., Новиков С. В. О коропластике Маргианы эллинистического периода. // РА, 1999, № 4. С. 59-61.

В § III.4.2 «Культ близнецов» анализируются горельефы, фланкирующие вход в целлу со стороны пронаоса, от которых сохранились лица. П. Бернар полагает, что эти горельефы изображали мужчину и женщину. Если это так, то мы затрудняемся подобрать им аналогии и объяснить их смысл (чего не делает и сам П. Бернар). Лицо, считающееся женским, на наш взгляд, не обладает никакими чертами, специфичными для женщины. Между двумя лицами вообще не видно существенных различий, насколько о том позволяет судить разница в степени сохранности.

В т. н. «храме Диоскуров» в Дильберджине (южная Бактрия, II-I вв. до н. э.), вход в целлу был фланкирован росписью, изображающей близнецов-Диоскуров. Ч. Ло Муцио связывает данный мотив с тем, что Диоскуры были спутниками Кибелы и родственными ей богинь. П. Бернар предлагает другую версию; он считает, что в дильберджинском храме почитался Зевс, и именно его спутниками были Диоскуры. Спутниками Юпитера Долихена также были т. н. *Castores Conservatores*. Вполне возможно, что и в Ай-Ханум по бокам от входа в целлу располагались изображения Диоскуров – спутников Кибелы и Зевса. Следовательно, эти боги почитались в данном храме.

В § III.4.3 «Фигурки всадников» вопрос о семантике данных фигурок, найденных в «храме с уступчатыми нишами», не затрагивается в силу его сложности. Мы ограничились лишь попыткой проследить генезис данного мотива, поскольку именно в этом храме обнаружены древнейшие в Средней Азии образцы таких фигурок, ставших впоследствии весьма популярными в указанном регионе. Древнейшая из фигурок найдена в слое, соответствующем 4 или 5 этапу. По этой причине трудно принять версию Г. А. Пугаченковой, согласно которой фигурки всадников связаны с культами кочевников. Подобные фигурки не находили в степной зоне Азии. С другой стороны, в Сирии и Месопотамии фигурки всадников начали изготавливаться со II тыс. до н. э., в Греции - с VIII в. до н. э. Вероятно, в Средней Азии данный тип изделий появился под влиянием одного из этих двух регионов.

В § III.4.4 «Геракл» на основании находки одной целой статуэтки Геракла и фрагмента другой, а также фигурки атлета, иконографически сближенного с Гераклом, делается вывод о почитании в «храме с уступчатыми нишами» этого греческого бога. Образ Геракла был одним из самых популярных в искусстве античного Ближнего Востока, поскольку с ним отождествлялись различные местные божества - в частности, киликийский Сандан, считавшийся сыном Атаргатис, и Нергал, почитавшийся в Хатре как сын Нанайи.

Глава III.5 «Происхождение культов храма». В ней указывается, что идея проникновения культов Атаргатис и Кибелы в Среднюю Азию была впервые высказана Г. А. Пугаченковой¹⁴. Позднее Б. Мукхерджи обратил внимание на сходство между этими божествами и среднеазиатской богиней Наной¹⁵. В литературе неоднократно отмечалось, что Наной или Нанайей называлась также месопотамская богиня, близкая по функциям к Иштар.

¹⁴ Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня. // Советская археология. Т. XXIX-XXX. М., 1959. С. 121-122.

¹⁵ Mukherjee B. Nana on Lion. Calcutta, 1969.

В § III.5.1 «Отождествление Атаргатис и Нанайи» приводятся доказательства того, что синкретический культ этих двух богинь отправлялся на различных территориях, входивших в свое время в состав державы Селевкидов.

Так, единственное в Сирии монументальное изображение Нанайи (Пальмира, храм Бела), частично перекрыто изображением рыбы – символа Атаргатис. О наличии культа Атаргатис в эллинистической и парфянской Месопотамии свидетельствует начавшаяся при Антиохе IV и продолжавшаяся до парфянского периода включительно в Селевкии-на-Тигре чеканка монет с изображением этой богини, скопированным с монет Кастабалы – одного из центров ее почитания в Киликии. Не позднее парфянского периода новым символом Нанайи стал полумесяц, хотя ранее та не выступала в качестве лунной богини. Поскольку полумесяц был одним из важнейших символов Атаргатис, представляется вероятным, что у Нанайи появилась общая символика с Сирийской богиней, что может говорить об их синкретизации.

В селевкидской военной колонии на о. Файлака (Персидский залив) было найдено значительное число терракот, изображающих лодки (символы Нанайи), а также Атаргатис и рыб. Согласно Страбону (XVI, 3, 2), этот остров был центром почитания Артемиды Таврополы, с которой отождествлялась Атаргатис в Кастабале (Idem, XII, 2, 7).

Почитание Нанайи в Сузах надежно зафиксировано письменными источниками. Тем более характерно, что Антиох IV предпринял попытки вступить в священный брак с Атаргатис в Кастабале и с Нанайей в Сузах. Поскольку ничто подобное не было им предпринято, например, в отношении богинь Месопотамии, то едва ли можно предположить, что речь идет о стремлении царя заключить священный брак с богинями различных подвластных ему территорий, укрепив тем самым единство державы. По всей видимости, царь заявлял особые права на брак с вполне конкретной богиней. В связи с этим У. Тарн справедливо указывает на то, что Антиох IV отождествлял себя с Зевсом-Хаддадом. В таком случае его брак с Атаргатис был вполне естественным. Но супругом Нанайи считался Набу, отождествлявшийся с Аполлоном, а не с Зевсом. Присутствие на монетных выпусках Суз и Экбатан изображения Нанайи с лучами над головой (атрибут Атаргатис) доказывает, что поводом к священному браку в Сузах могло служить отождествление этих двух богинь.

Лучи над головой Артемиды (нехарактерные для данной богини) появляются на монетах греко-бактрийского царя Деметрия I. Общеизвестно, что Нанайя отождествлялась с Артемидой. В греко-бактрийском чекане Панталеона появляется серия, в которой на аверсе представлена богиня в по́лосе, а на реверсе – лев. При Агафокле Атаргатис появляется на аверсах монет в облике, близком к ее изображению на диске из Ай-Ханум; на реверсах этих же монет появляется Зевс, похожий на восточного бога, часто изображаемого на тех же монетах Селевкии-на-Тигре, что и Атаргатис. Поскольку чекан Агафокла встречается в Ай-Ханум, а Гелиокла I – нет, этот Зевс оказывается ближе к «храму с уступчатыми нишами», нежели Зевс-Митра

на монетах Гелиокла. Вполне вероятно, что Зевс отождествлялся в Бактрии не только с Митрой, но и с Хаддадом.

На кушанских монетах появляется богиня, именуемая «Нана», «Нанайя» или «Нана-царь» (это совпадает с эпитетом Нанайи, зафиксированным в парфянской Хатре – «царь Нанайя»). То, что все три имени этой богини находят точные соответствия в Месопотамии, опровергает точку зрения, согласно которой она была чисто местным среднеазиатским божеством. Она предстает либо в облике Артемиды, либо восседающей на льве, с полумесяцем над головой, либо стоящей с чашей или ларцом в одной руке и жезлом, украшенным протомой льва, в другой. Лев был символом Нанайи еще со II тыс. до н. э., но до нас не дошли изображения Нанайи верхом на льве или с чашей в руке. То и другое более характерно для иконографии Кибелы и Атаргатис, в особенности последней. Поэтому возможно, что Нана – это синкретизированная Атаргатис-Кибела-Артемида-Нанайя.

В средние века образ Наны продолжал сохранять родство с ближневосточными прототипами (имя, мотив восседания на льве, брак с богом Тири, отождествлявшимся с Набу). В одном из раннесредневековых источников Нана отождествляется также с Деметрой, что вызывает ассоциацию с Ай-Ханум¹⁶.

В § III.5.2 «**«Храм с уступчатыми нишами» как храм Атаргатис-Кибелы-Нанайи. Возможное происхождение и значение данной синкретизации**» мы приходим к выводу, что синкретический женский культ «храма с уступчатыми нишами» очень близок к культу позднейшей Наны. Вероятно, в Ай-Ханум этот последний находился в процессе формирования.

Примеры из других регионов показывают, что наиболее типичной была синкретизация Атаргатис, Нанайи и Артемиды. Нам представляется, что причины популярности данного синкретического культа хорошо укладываются в концепцию эллинистической религии, предложенную Л. Мартином¹⁷. Этот автор обращает внимание на то, что период эллинизма был ознаменован распадом полисной системы, усилившейся политической и экономической нестабильностью. В результате этого человек стал ощущать себя игрушкой судьбы и случая. В греческой традиции земля и луна ассоциировались с хаотическим, непостоянным началом и противопоставлялись упорядочивающим, гармоничным силам неба и более «постоянных» светил. Кроме того, хаос ассоциировался с женским началом, а порядок – с мужским. Поэтому особую популярность в период эллинизма приобрели хтонические и лунные женские божества – например, Деметра и Исида.

Случай (Τύχη) в период эллинизма было принято подразделять на «злой» и «благой». Под первым понималось хаотическое начало в чистом виде, под вторым (Ἐυτυχία Τύχη) – божество, одновременно наделенное властью над силами хаоса и способное их обуздывать по просьбе человека. Такими божествами как раз и считались хтонические богини. Особенно яркое воплощение данная концепция нашла в культе Исиды (ср., например, финал

¹⁶ Grenet F., Marshak B. Le mythe de Nana dans l'art de la Sogdiane. // Arts Asiatiques, 53, 1998. P. 6-9.

¹⁷ Martin L. Hellenistic Religions. New York – Oxford, 1987.

ареталогии Исиды из Кимы (III в. до н. э.): «Я побеждаю судьбу, мне судьба внемлет», а из более поздних источников – «Метаморфозы» Апулея).

Л. Мартин полагает, что Атаргатис прекрасно подходила на роль Ἐλευθερία Τύχη. Она была богиней плодородия и воды, ее символом был полумесяц. В сирийской религии она тесно ассоциировалась с понятием «Гад» или «Гадде», очень близким греческому Τύχη.

Нанайя считалась покровительницей династии Селевкидов, т. е. была своего рода царской Τύχη. Вполне вероятно, что слияние «общей» Τύχη с царской произошло под влиянием царской пропаганды.

В Бактрии Атаргатис-Нанайя была дополнительно синкретизирована с хтонической Деметрой, а также, под влиянием переселенцев из Ионии, с Кибелой.

Несомненно, социально-психологические предпосылки популярности культа Ἐλευθερία Τύχη распространялись на коренных бактрийцев едва ли не в большей степени, чем на греков. Доминирование негреческих (не связанных с исконной культурой завоевателей) черт в образе Наны, возможно, облегчало заимствование.

Раздел IV «Храм Окса в Тахти-Сангине» открывается главой IV.1 «Планировка храмового комплекса. Основные сооружения и помещения», содержащей их подробное описание, выполненное на основе труда Б. А. Литвинского и И. Р. Пичикяна «Эллинистический храм Окса». Храм состоял из основного ядра и двух крыльев-ризалитов, выступающих за линии фасада и боковых стен. Между крыльями-ризалитами располагался 8-колонный портик. Основное ядро храма состояло из центрального 4-колонного зала и окружающих его обводных коридоров. В северо-западном углу зала была найдена конструкция, состоящая из прямоугольного цоколя и стоящих на нем двух цилиндрических баз. Каждое крыло-ризалит включало в себя три помещения. В помещениях 7 и 5', примыкавших к основному ядру здания и имевших выходы в портик, размещались алтари огня иранского типа (помещения с алтарями огня зороастрийцы называют атешгахами). В помещении 8 северного крыла-ризалита вдоль стен тянулись скамьи, перемежающиеся очагами. Помещение 5 в том же крыле-ризалите было заполнено священной золой. В портике найдены алтарь для либаций и разбитые остатки цистерны, напоминающей ванну. С первого пола портика, соответствующего времени основания храма, было спущено несколько ям с золой и костями мелкого рогатого скота. Вдоль стен портика тянулась скамья (суфа).

Во дворе храма первоначально располагались 2 подквадратных сырцовых алтаря размерами примерно 2,7 x 2,7 м, колодец и две вырытые в земле ямы-цистерны. На остатках сырцовых алтарей найдено «бесчисленное количество костей мелкого рогатого скота»¹⁸. Обнаружены также блоки известняка с лунками для возлияний. На рубеже III-II вв. до н. э. по углам примыкающей к фасаду части двора были выстроены 4 башни, а по бокам двора – колоннады.

¹⁸ Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Указ. соч. С. 172.

Тогда же алтари были перестроены в камне по греческому образцу (с сохранением их прежних форм и размеров) и во дворе установлен постамент с бронзовой статуей, имевшей высоту ок. 5 м.

В пропилеях храмового комплекса стояла известняковая чаша-периррантерий с надписью, о которой мы писали выше.

В главе IV.2 «Основные находки, сделанные в храме» описываются найденные в храме остатки скульптуры и малые предметы. Для нас наибольший интерес представляют: перстень, украшенный символом Вахшу; остатки фигурки (или двух фигурок) Аполлона-лучника; рукоять ксифоса, на которой вырезана сцена борьбы Геракла с Ахелоем; бутероль ножен с изображением ихтиокентаврессы; ножны акинака, на которых представлен лев, держащий в лапах оленя; фигурка Марсия на постаменте с подписью «По обету посвятил Атросок Оксу»; головы скульптур Селевка I и Антиоха I; золотые пластины с гравировками в виде головы Гелиоса, мужчины, ведущего верблюда, и крылатого мифологического существа, а также два серебряных диска, на одном из которых представлена эпифания Кибелы, а другом - богиня, едущая на колеснице, запряженной львами.

Автор диссертации не соглашается с версией Б. А. Литвинского и И. Р. Пичикяна, согласно которой предметы, составляющие знаменитый Клад Окса, первоначально хранились в Тахти-Сангинском храме и были спрятаны в земле жрецами, опасавшимися нашествия юэчжей. Из 176 предметов искусства, входящих в состав Клада Окса, лишь 4 выполнены в античном стиле. Напротив, подавляющее большинство предметов искусства, найденных в эллинистических слоях храма Окса, по своей стилистике относятся к античной традиции, лишь два (ножны со львом, держащим оленя, и диск с богиней на колеснице) выполнены в стиле ахеменидского искусства. Точно так же из 521 монеты Клада Окса лишь 95 относятся к тем чеканам, образцы которых найдены в Тахти-Сангине (Антиоха I, Диодотидов, Евтидема I). Наличие в двух коллекциях нескольких относительно схожих предметов (золотых пластин и перстня с именем Вахшу) объясняется тем, что обе коллекции сформировались в одном регионе примерно в одно время.

Б. А. Литвинский и И. Р. Пичикян пришли к выводу о том, что источники XIX в. указывают на Тахти-Сангин как на место находки Клада Окса. Однако анализ тех же источников, сделанный нами, привел к иному заключению, согласно которому клад был найден приблизительно в 30 км от Тахти-Сангина, близ кишлака Айвадж.

Глава IV.3 «Культы храма. Выдвигавшиеся версии и их критический анализ» содержит анализ предположения Б. А. Литвинского и И. Р. Пичикяна, согласно которому храм Окса был зороастрийским святилищем огня. Данной концепции противоречит находка костей животных, смешанных с золой или лежащих на алтарях этого храма, поскольку Авеста запрещает соприкосновение огня с мертвым телом (Вендидад, VII, 5, 25-26). Крупнейший специалист по зороастризму, М. Бойс, отказалась считать зороастрийскими те

святилища и алтари, где кости животных были смешаны с золой или найдены на алтаре¹⁹.

Б. А. Литвинский и И. Р. Пичикян признают, что алтари огня не являются исключительными атрибутами зороастризма²⁰. Алтарь, очень похожий на тахти-сангинские, найден в святилище в Нуш-и Джан, которое большинство специалистов не признает зороастрийским. М. Бойс отказалась считать зороастрийским храм в Дахан-и Гуламан (Дрангиана), где были обнаружены как алтари огня, так и обугленные кости животных. В Средней Азии культ огня зафиксирован уже во II тыс. до н. э., в то время как зарождение зороастризма подавляющее большинство исследователей датирует началом I тыс. до н. э. Почитание огня встречается и за пределами Ирана – например, в Сирии, где в храмах имелись стационарные и передвижные (на колесных тележках) культовые очаги.

Сочетание вместилищ огня с вместилищами воды (колодец, цистерны) также не говорит о том, что две «благие стихии» (огонь и вода) почитались в храме в соответствии с зороастрийской концепцией. Их совместное почитание встречается не только в зороастризме, но и в культе Сараписа (Porphyrius, *De abstinentia*, IV, 9), следы которого зафиксированы в эллинистической Гиркании и Кушанском царстве. Следовательно, зороастризм не был единственной религией в Иране, придерживавшейся данной концепции. Сочетание в одном храме вместилищ воды и огня может быть и случайным. В греческом храме Аполлона в Дидимах имелись монументальный алтарь огня и весьма чтимый источник, выполнявший функции оракула. В любой христианской церкви имеются как освященные свечи и лампы, так и святая вода.

Б. А. Литвинский и И. Р. Пичикян утверждают, что в храме Окса были соблюдены зороастрийские правила, согласно которым алтарь огня должен быть закрыт от прямого солнечного света, а также от взглядов кого-либо, кроме жрецов. Но в действительности, судя по приводимым ими фактическим данным, было соблюдено лишь первое правило. Сохранившийся алтарь огня располагался на одной оси с проходом, который вел из атешгаха в портик. Верхняя точка алтаря находилась на высоте 1,02 м над репером, пол прохода – в 0,6 м над репером, пол портика – на 0,6 м ниже репера²¹. Очевидно, что потолок прохода не мог отстоять от пола менее чем на 0,42 м (!). Впрочем, судя по данным Павсания (V, 27, 3), в период античности зороастрийский священный огонь могли видеть и миряне. Таким образом, расположение алтарей огня не может свидетельствовать ни за, ни против связи храма с зороастризмом.

¹⁹ См. *Boyce M. A History of Zoroastrianism. Vol. 2. Leiden – Köln, 1982. Vol. 2. P. 130; Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. Vol. 3. Leiden, 1991. P. 207, no. 40.* В связи с критикой А. Д. Х. Бивара (*Bivar A. D. H. Рец. на: Boyce M., Grenet F. Op. cit. // The Journal of Roman Studies, 82, 1992. P. 266*) см.: *Бойс М. Зороастрийцы: верования и обычаи. СПб., 2003. С. 133.*

М. Бойс не отрицает возможность связи храма Окса с зороастризмом (Там же), однако неясно, обратила ли она внимание на находку в этом храме костей, смешанных с золой.

²⁰ *Литвинский Б. А, Пичикян И. Р. Указ. соч. С. 353.*

²¹ Там же. С. 104, 113.

Алтари огня храма Окса были намного меньше некоторых других культовых объектов (статуи и алтарей во дворе) и находились в небольших боковых помещениях с узкими входами. Утверждение, что они были расположены выше остальной части храма, ошибочно (например, высота пола коридора 6 составляла 1,05 м над репером)²².

Важнейшим культовым помещением в храме, очевидно, был зал, а не атешгахи. Об этом свидетельствует его площадь (наибольшая среди всех помещений, если не считать портика), центральное положение и монументальность, подчеркнутая колоннами и величественным порталом.

Предположение Б. А. Литвинского, что в храме, помимо Вахшу, почиталось еще одно иранское водное божество – Анахита, маловероятно, поскольку все сведения о ее почитании в Бактрии относятся ко времени, когда этой страной управляли западноиранские династии (Ахемениды, Сасаниды). Многие исследователи связывают ее культ исключительно с Западным Ираном²³. Тем не менее, на наличие в храме культа двух божеств указывает отмеченная Б. А. Литвинским характерная парность основных культовых объектов (два алтаря огня, два жертвенника, две цилиндрические базы в зале).

В рамках данной главы автор работы критикует также собственную концепцию культов храма, предложенную им в докладе, прочитанном на Ломоносовских чтениях в 2001 г., согласно которой культы храма были родственны митраизму.

Глава IV. 4 «Культ Наны в Тахти-Сангинском храме. Доказательства» содержит версию того, кем могло быть второе божество храма. Она открывается § IV.4.1 «Параллели с Ай-Ханум». Находка одного диска с изображением колесницы, запряженной львами, и другого с изображением «эпифании Кибелы», позволяет предположить, что этим божеством была Нана. Заметные параллели с Ай-Ханум можно усмотреть и в других находках. Голова Гелиоса сходна с изображением на диске из Ай-Ханум. Марсий, в виде которого был представлен Вахшу, был низшим божеством в свите Кибелы. С Аполлоном отождествлялся Набу – супруг Нанайи. Следует добавить также изображение Геракла и львов. В качестве спутников Атаргатис могли выступать существа в виде полулюдей-полурыб, иногда так изображалась и сама эта богиня (ср. ихтиокентаврессу).

В Сирии божества конкретных рек считались подвластными Атаргатис. Это представление могло быть экстраполировано на Нану, отсюда ее совместное почитание с Вахшу.

В § IV.4.2 «Параллели с ранними храмами Леванта» предлагается доказательство почитания Наны в храме Окса, основанное на предположении Б. А. Литвинского и И. Р. Пичикяна о сиро-палестинском происхождении его архитектуры. Палестинские храмы II тыс. до н. э. в Шехеме (Телль-Балате), Мегиддо и Хацоре, а также сирийский храм того же периода в Алалахе (слой

²² Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Указ. соч. С. 359, 91.

²³ См., например, *Ambos C. Nanaja – eine ikonographische Studie zur Darstellung einer altorientalischen Göttin in hellenistisch-parthischer Zeit. // Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie. 2003, Bd. 93, Hbd. 2. S. 263.*

1В), состоявшие из основного ядра и портика, фланкированного ризалитами, действительно могут быть признаны прототипами храма Окса. В других сиропалестинских храмах, включая датируемые I тыс. до н. э. (Тананир, Иерусалим, Телль-Халаф), имелись боковые комнаты и обводные коридоры. Сирийские аналоги храма Окса, датированные рубежом нашей эры (см. ниже), показывают, что в слабо исследованный период VII-II вв. до н. э. такие коридоры могли появиться и в храмах с центральным залом и ризалитами.

Из этих последних лучше всего сохранился и исследован храм в Хацоре, в зале которого имелись платформа для установки курильниц и место для статуй (святое святых), отгороженное дополнительной стеной так, чтобы его не было видно снаружи через портал. Это соответствует находящимся в зале храма Окса платформам и постаменту, резко сдвинутому относительно оси входа в зал – возможно, также с целью сокрытия его от посторонних взглядов. В том же зале был найден стол с лунками для либаций, аналогичный тому, что обнаружен во дворе тахти-сангинского храма.

Вдоль фасада хацорского храма, как и храма Окса, тянулась скамья. В Сирии и Палестине на такие скамьи устанавливались приношения. Во дворе храма в Хацоре имелись два жертвенника, цистерна, напоминающая ванну, и алтарь для либаций. По всему двору была разбросана зола, смешанная с костями животных. В пропилеях этого храма обнаружены полукруглые выкладки из камней, похожие на основание тахти-сангинского периррантерия. Обычай ставить в воротах периррантерии зафиксирован в Палестине.

Во дворе храма в Алалахе также были найдены колодец и цистерна-«ванна», стоявшая близ портика. Жертвенник и цистерна для омовений были практически обязательными элементами любого храмового комплекса Сирии и Палестины. Во дворе храма в Дане (Палестина, X-IX вв. до н. э.) имелась врытая в землю цистерна. В т. н. «храме со скамьями» в Лахише (II тыс. до н. э.), «митреуме» в Алалахе и ряде дворцовых помещений в Мари имелись культовые скамьи и очаги, совмещенные в одном помещении (ср. с помещением 8 в храме Окса). Таким образом, значительная часть объектов комплекса храма Окса находит близкие аналогии в храмовых комплексах Сирии и Палестины. Единственным объяснением этому может быть наличие сиропалестинской составляющей в культах Тахти-Сангина.

В § IV. 4. 3 «Параллели с эллинистическими и постэллинистическими храмами», вслед за Б. А. Литвинским и И. Р. Пичикяном, обращается внимание на наличие у храма Окса хронологически близких аналогов (2-я пол. I тыс. до н. э. – I в. н. э.): т. н. «аяданы» в Сузах, «храма с пьедесталом» в Персеполе и храмов в Си, Суре и Сахре (области Хауран и Леджа в Сирии)²⁴. Мы прибавили к ним, ориентируясь отчасти на

²⁴ Б. А. Литвинский и И. Р. Пичикян прибавляют к ним также храм в Кух-и Хвадже (Дрангиана). Но в действительности практически ни одна деталь, делающая данный храм похожим на храм Окса, не была выявлена *in situ*. Все такие детали были внесены в его реконструкцию по аналогии с «аяданой» в Сузах, долгое время считавшейся образцом досасанидского святилища огня (*Gullini G. Architettura iranica dagli Achemenidi ai Sassanidi. Il "Palazzo" di Kuh-i Khwagia (Seistan). Torino, 1964. P. 263, 268, 283-284, 423).*

идеи К. Рапена, «храм Диоскуров» в Дильберджине (Бактрия) и храм А в Мохра-Малиаране (Индия, Таксила). У всех этих храмов имеется основное ядро, состоящее из центрального зала и окружающих его обводных коридоров (лишь в храме А в Мохра-Малиаране таких коридоров нет, а есть только зал) и портика, фланкированного ризалитами или крыльями-ризалитами.

Тщательно проанализировав все доступные нам материалы, связанные с этими храмами, мы пришли к выводу, что ни в одном из них не были обнаружены следы зороастрийского культа или культа огня. Б. А. Литвинский и И. Р. Пичикян полагают, что алтари огня должны были располагаться в ризалитах, по аналогии с храмом Окса. Но ризалиты «аяданы» не были полностью раскопаны, а раскопки храмов в Персеполе и Мохра-Малиаране плохо документированы. Вместе с тем, хорошо документированные раскопки «храма Диоскуров» показали, что в ризалитах этого храма не было алтарей огня.

Аналоги храма Окса, найденные в сирийских областях Хауран и Леджа, где не было последователей зороастризма, несомненно, связаны с сирийскими культами. Надписи храмового комплекса в Си прямо указывают на то, что главное здание было посвящено Хаддаду (Баалшамину), отождествленному с Зевсом, а малый храм – местной Тюхэ, сходной с Атаргатис. Версия о почитании Наны в «храме Диоскуров» была высказана Ч. Ло Муцио. П. Бернар считает, что этот храм посвящен Зевсу. Таким образом, культы этих двух храмов, сходных с тахти-сангинским, близки также к культам «храма с уступчатыми нишами». Посвящение других поздних аналогов храма Окса определить труднее из-за скудости находок или далеко не полной их публикации, но возможность их связи с культом Атаргатис или Нанайи также не исключена.

Архитектурные особенности всех этих храмов, вероятно, имеют сирийское происхождение (возможный результат эволюции сирийских храмов, начиная с VII в. до н. э.). Все детали их планировки, включая 4 колонны в центральном зале (ср. «храм со скамьями» в Лахише) находят точное соответствие в архитектуре Сирии и Палестины.

В главе IV.5 «Культ Вахшу» дается детальный анализ культа этого иранского речного божества. Источники, освещающие его, весьма малочисленны и, как правило, ограничиваются лишь упоминанием его имени, однако тот факт, что среди теофорных имен ахеменидской и эллинистической Бактрии большинство составляют производные от «Вахшу», говорит об исключительной популярности этого божества. Это объясняет огромные размеры, монументальность и богатство храма в Тахти-Сангине.

С мифологией Вахшу могут быть связаны изображения на оружии из храма Окса. Если рыбы черты ихтиокентаврессы ассоциируются с Атаргатис, то лошадиные – с сохранившимся до наших дней представлением о речных женских духах, имеющих облик лошадей и подчиненных «хозяину» Амударьи.

На перстне из Клада Окса подпись «Вахшу» сопровождается изображением быка с человеческой головой. Это доказывает, что Вахшу ассоциировался с быком, как и греческий Ахелой. Сцена на рукояти найденного в храме Окса ксифоса, возможно, является иллюстрацией к одному из мифов о Вахшу (ср. с

изображением Вахшу в виде Марсия). В мифологии скифов, очень близких к бактрийцам в языковом отношении (что неизбежно предполагает хотя бы частичное родство культур), имеется сюжет о схватке Геракла-Таргитая с богом реки Аракс (Волга) или Борисфен (Днепр). Возможно, что в Бактрии существовал миф о борьбе Вахшу и бога, отождествленного с Гераклом.

Глава IV.6 «Обрядовая жизнь храма» содержит анализ культового пространства и культовых объектов. В § IV.6.1 «Храм» исследуются ритуалы, отправлявшиеся внутри храмового здания. Основное внимание уделяется постаменту с цилиндрами в северо-западном углу зала. Мы полагаем, что он представляет аналогию не только «святому святым» храма в Хацоре, но и постамамтам близ задней стены залов храмов в Персеполе, Мохра-Малиаране, Дильберджине и Сахре, на которых, несомненно, стояли культовые статуи. Две верхние цилиндрические базы в зале храма Окса указывают на то, что статуй было две. Скорее всего, они изображали Нану и Вахшу. Эти две скульптуры были древнейшими и наиболее монументальными культовыми объектами главного помещения храма – зала, следовательно, важнейшими объектами почитания во всем храмовом комплексе, что согласуется с версией М. Бойс. Она полагала, что храм Окса был «святилищем со статуями и вспомогательными священными огнями»²⁵.

На платформах, как и в Хацоре, могли стоять курильницы. Судя по найденным дискам, в храме Окса имелся культовый штандарт сирийского типа. Сирийские аналогии говорят о том, что он должен был размещаться в зале.

Во многих храмах Сирии и Палестины правом входить в зал (целлу) обладали только жрецы. Организация пространства зала в храме Окса, в котором отсутствует часть, выделенная для зрителей, свидетельствует о том же. (Подобное предположение с другим обоснованием было высказано ранее Б. А. Литвинским и И. Р. Пичикяном).

Алтари огня, располагавшиеся в крыльях-ризалитах храма Окса, были типично иранскими по форме и размерам. Их парность, вероятно, объясняется тем, что один из них был посвящен Вахшу, а другой – Нане, божеству ближневосточного происхождения. Атешгах 7 примыкал к помещению 8, в котором отправлялся культ огня сирийского типа (культовые очаги). Зола из обоих помещений сбрасывалась в общее хранилище 5. Таким образом, в храме Окса наблюдается не только одновременное отправление, но, возможно, даже слияние двух форм почитания огня – иранской и сирийской.

В § IV.6.2 «Двор» основное внимание обращается на цистерну-«ванну», периррантерий и большие алтари. Сиро-палестинские и греческие аналогии указывают на то, что цистерны-«ванны» служили для ритуального омовения жрецов перед входом их в храм, а периррантерии – для такого же омовения прихожан перед их входом в храмовый комплекс. Алтари, судя по найденным костям, служили для принесения в жертву животных. Версия Б. А. Литвинского, согласно которой на них раскладывали золу и тлеющие угольки, перенесенные с алтарей огня (такая церемония известна в зороастризме),

²⁵ Бойс М. Указ. соч. С. 133.

вызывает сомнение не только по причине находки костей, но и потому, что алтари во дворе (ок. 2,7 x 2,7 м) были значительно больше отверстий алтарей огня (круглых, диаметром 0,5 м).

Колоннады по бокам и башни по углам двора, а также большая статуя во дворе появились позднее других объектов, на рубеже III и II вв. до н. э. Сочетание башен и колоннад напоминает храм в Дахан-и Гуламан, т. е. пространство двора было реорганизовано по иранскому образцу. Вместе с тем, сочетание колоннад по сторонам двора и постамента для статуи выявлено в храмовом дворе в Сахре. Следовательно, при реорганизации пространства двора храма Окса на рубеже III и II вв. до н. э. могли учитываться как иранские, так и сирийские образцы. Принцип органического сочетания сирийских и иранских элементов в данном храмовом комплексе оставался в силе на всем протяжении периода эллинизма.

В «**Заключении**» кратко суммируются конечные выводы исследования (см. положения, выдвигаемые на защиту).

Апробация исследования

Многие положения данной работы были изложены автором в докладах на научных конференциях студентов и аспирантов «Ломоносов-2001», «Ломоносов-2002» и «Ломоносов-2004», на 1-й и 2-й межвузовских конференциях памяти проф. В. Ф. Семенова (2002 и 2003 гг.), на чтениях памяти Э. А. Грантовского (2002 г.). Тезисы докладов были опубликованы в следующих изданиях:

1. Культы Тахт-и Сангинского храма (северная Бактрия) в III-II вв. до н.э. // Тр. науч. конф. студентов и аспирантов «Ломоносов-2001». История. - М., 2001. - С. 161-164.
2. Идеологические аспекты агонистики в Ай-Ханум. // Тр. I межвуз. конф. молодых ученых памяти профессора В. Ф. Семенова. - М., 2002. - С. 84-91.
3. Диск из Ай-Ханум и культы женских божеств позднеантичной Центральной Азии. // Тр. науч. конф. студентов и аспирантов «Ломоносов-2002». История. - М., 2003. - С. 132-134.
4. Семантика среднеазиатских изображений всадников в свете материалов Ай-Ханум: [тез. докл. на чтениях памяти Э. А. Грантовского] // Восток. – 2003. - № 2. - С. 167.
5. К интерпретации диска из Ай-Ханум. // В поисках древности: история древности и археология. Труды II и III межвуз. конф. молодых ученых памяти профессора В. Ф. Семенова. - М., 2005. - С. 60-64.
6. Атаргатис-Нанайя в греко-бактрийской нумизматике. // Тр. науч. конф. студентов и аспирантов «Ломоносов-2004». История. - М., 2005. - С. 133-137.

По теме диссертации автором также опубликованы следующие работы (общим объемом 5,9 печ. л.):

1. Хозяйственные надписи Ай-Ханум. Перевод и комментарии. // Древний Восток и античный мир. - М., 2004. – 6. - С. 208-227.
2. Клад Окса: к вопросу о месте и обстоятельствах находки. // Проблемы истории, филологии и культуры. - М.- Магнитогорск, 2004. – 14. - С. 562-600.
3. К вопросу о культах «храма с уступчатыми нишами» в Ай-Ханум. - Древний Восток и античный мир. - М., 2005. – 7. - С. 36-54.